

МЕТАФИЗИКА ТРУДА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Я. В. Зубашенко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 апреля 2017 г.

Аннотация: в статье анализируются основные построения русской философии, которые раскрывают метафизический смысл труда и хозяйства. При этом показываются отрицательные стороны исключительно метафизического восприятия труда, поскольку они способствуют экстенсивному типу хозяйства. Выявлено современное европейское отношение к труду, означающее смену антропологической модели «Homo faber» на новую модель «Homo ludens». На этом фоне показаны отличия отечественного восприятия труда от западноевропейского на основании реконструкции идей В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова. В результате обосновывается идея о творческом характере труда, которая может стать альтернативой современной трансформации трудового ландшафта, приводящей к экзистенциальному кризису.

Ключевые слова: труд, философия хозяйства, трудовой эмос, игра, экзистенциальный кризис.

Abstract: the article analyzes the basic constructions of Russian philosophy, which reveal the metaphysical meaning of labor and economy. At the same time, the negative aspects of the exclusively metaphysical perception of labor are shown, as they contribute to the extensive type of economy. A modern European attitude to work has been revealed, which means the replacement anthropological model of «Homo faber» by a new model of «Homo ludens». The differences in the domestic perception of labor from Western Europe on the basis of the reconstruction of the ideas of V. S. Soloviev, N. F. Fedorov, N. A. Berdyayev, S. N. Bulgakov are shown against this background. As a result, the idea of the creative nature of labor is justified, which can become an alternative to the modern transformation of the labor landscape, leading to an existential crisis.

Key words: labor, economic philosophy, labor ethos, play, existential crisis.

Среди множества глобальных изменений, происходящих в современном обществе, особого внимания, на наш взгляд, заслуживает трансформация характера труда. Этот процесс имеет не только экономические метрики, но затрагивает и аксиологический пласт культуры, связанный с экзистенциальными переживаниями личности. Человек не просто трудится ради удовлетворения своих физических потребностей; важна *телеология труда*, предполагающая ответы на вопросы: «во имя чего трудится человек» и «на что он готов тратить свое свободное время».

Важный аспект проблемы заключается в том, что сегодня в труд постепенно проникает досуг, что, естественно, меняет характер трудовой культуры. Этот процесс пока не носит повсеместного характера, но отдельные его симптомы, затрагивающие некоторые «элитарные» профес-

сии, не связанные с традиционным видом труда, уже налицо. На это обращает внимание М. Маяцкий, описывая область «креативного» труда: «*Теоретически* возможно перестроить все общественное производство на основе 3–4-х часового рабочего дня. Но *фактически* (особенно если взять модные профессии) рабочий день увеличивается, преимущественно за счет того, что досуг проникает во все его поры. Во время рабочего дня закачивается и слушается музыка, и даже смотрятся фильмы и главным образом происходит постоянная коммуникация через растущее число каналов» [1, с. 50]. Очевидно, что речь здесь идет только о «модных профессиях», что еще не отражает общей ситуации, поскольку большинство людей работают вовсе не в этой сфере и не таким образом, как описал М. Маяцкий.

Однако для постиндустриального общества это все же существенный аргумент, поскольку классическая форма индустриального (традиционного) типа труда в этом обществе претерпевает существенные изменения: «Никуда не исчезнувший вполне традиционный труд индустриального типа, а тем более труд в сфере услуг, сегодня подражает креативному и становится таким же пористым, гибким и потенциально прекарным» [1, с. 50].

Весьма убедительно трансформацию современного этоса труда в крупных американских корпорациях описывает Пояль Арора: «Отличительной чертой нового трудового ландшафта становятся бильярдные столы, волейбольные площадки, залы для видеоигр, пианино, столы для пинг-понга и помещения для занятий йогой. Велосипеды, скутеры и скейтеры обеспечивают мобильность сотрудников. Игра определяет оформление и обстановку приемной и зала заседаний совета директоров» [2, с. 89–90].

Данная ситуация свидетельствует о существующей тенденции (пока что на уровне крупных корпораций, но это дело времени) видоизменения традиционного образа труда в сторону игрового начала. Безусловно, нельзя говорить о том, что игра полностью приходит на смену труду и что труд становится игрой. Труд в своих сущностных антропологических и социальных параметрах не может стать игрой, потому что за продукт труда дается вполне реальное вознаграждение, и если этот продукт неэффективен, то никакая игра уже не в счет. Иногда творческий труд может со стороны казаться игрой, но для самого творца это всегда трата и жертва жизненных сил.

И все же в современной культуре можно наблюдать как антропологическая модель «*Homo ludens*» стремится вытеснить традиционную модель «*Homo faber*». Это, впрочем, вполне сочетается с ориентацией на глобальную эстетизацию современной культуры: игра предполагает эстетическую значимость любого игрового действия. Игровая окраска труда вполне вписывается в современную экономическую стратегию. «Эстетизация, таким образом, есть своеобразная метаиндустрия рыночного постмодернистского общества» [3, с. 153]. В этом контексте, мы полагаем, необходимо рассмотреть базовые ценности трудовой этики, ха-

ракторные для отечественной философской культуры, для того чтобы понять глобальный характер современных видоизменений в аксиосфере трудовой этики.

Существуют различные, как правило, идеологически окрашенные мифы об особой лениности русского народа, не склонного к работе, надеющегося на «авось». В реальности труд всегда имел высокий духовный статус в России, что сказалось на развитии богатой материальной культуры. Н. О. Лосский в своей работе «Характер русского народа» отмечал: «Практический ум русского человека проявился в быстром и весьма успешном развитии промышленности и инженерного искусства во второй половине XIX века» [4, с. 21]. Такой вывод известного русского мыслителя никак не согласуется с мифами о лениности русского народа.

В этом контексте примечательна критика Н. А. Бердяева в адрес В. В. Розанова, высказавшего в статье «Идея мессианизма» идеи относительно «русской лени». Н. А. Бердяев справедливо указывает на то, что такое превозношение пассивности, лени, созерцательности, которое он находит у В. В. Розанова, способствует лишь экстенсивному типу хозяйствования и вообще приводит к экстенсивной культуре. Он решительно восстает против этого, полагая, что Россия должна перейти к интенсивному хозяйствованию и интенсивной культуре, которое требует активности, трудолюбия, напряжения всех сил.

Поэтому весьма обоснованно звучат следующие вопросы и претензии Бердяева к Розанову, в которых он стремится утвердить позитивные черты русского трудолюбия: «Но самый факт огромной русской истории обнаруживает в русском народе не только те свойства, которые милы сердцу Розанова, не только лень и частную скромность. Как было создано огромное русское государство, величайшее государство в мире, какими силами, какими путями? Это создание предполагает большую и вовсе не скромную историю» [5, с. 96].

В целом эти слова согласуются с тем, что говорил о характере русского народа Н. О. Лосский. При этом, еще раз отметим, что распространенные суждения о лени русского народа не совсем безосновны, поскольку, как показал В. В. Вейдле, они коренятся в некоторых духовных особенностях национального характера. Понять их – значит точно определить русское национальное отношение к труду в его отличие от западноевропейского, основанного на других духовных основаниях. В книге «Задача России» исследователь отмечает: «Русский человек, если творит добро, то не по долгу, а по любви, и вообще делать, творить, работать он хочет только, если труд ему *по сердцу*, а не в силу того, что он должен, обязан, хотя бы это должностное ему предписывала собственная выгода или практическая необходимость» [6, с. 75].

Представляется, что здесь выявлен главный метафизический мотив русского отношения к труду, который заключается в специфике нравственного сознания, для которого совесть превыше долга, сердечные чувства добра и любви сильнее обязанности, и соответственно, мораль выше права. В. В. Вейдле далее пишет: «В отрицании долга, в выведении всей

морали из любви и в предпочтении этой морали праву заключается также и вера в положительное, действенное добро, тогда как юридическая мораль приводит к системе запрещений, к пониманию добра как просто-го воздержания от зла или как внешнего, иссушающего сердце исполнения закона» [6, с. 76].

Для обоснования этой мысли представляется целесообразным сослаться на книгу О. А. Платонова «Русский труд», в которой на большом историческом материале раскрывается своеобразие народной культуры труда, показывается православное отношение к труду, а также механизмы деградации труда, которые имели место в советский период. Исследователь далек от идеализации отечественной трудовой культуры, но стремится понять труд, прежде всего, как духовно-нравственную, а уже после этого как экономическую и технико-организационную категорию. О позитивном влиянии православия на трудовую культуру русского народа автор пишет следующее: «Принятие христианства ознаменовало новый этап в развитии труда ... укрепило его духовно-нравственное ядро. ... Рассуждение о труде как проклятии Божиим для абсолютного большинства наших предков оставалось мертвой фразой, иногда произносимой с амвона, но не имеющей ничего общего с реальной практикой отношения к труду» [7, с. 8].

Эти наблюдения отечественных философов и исследователей о трудовом характере русского человека, в котором противостоят лень и трудолюбие, пассивность и упорство, стихийная созерцательность и духовный настрой, важны для понимания «метафизики труда», состоящую в осмыслении такого феномена, как «хозяйство». Здесь необходимо указать на размышления философов В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, которые сформировали целостную парадигму философии хозяйства, в которой отчетливо проявлены основные аксиологические ориентации русских мыслителей по отношению к труду.

Обозначенная линия русской философии продолжается и сегодня. Показательны в этом плане слова академика Ю. М. Осипова – одного из главных представителей современной отечественной философии хозяйства. Его слова – это гимн хозяйствующему человеку: «Хозяйствуя, человек преодолевает внешнее и внутреннее, природой обусловленное, сопротивление, он всегда действует как бы вопреки, затрачивая себя, через трудность, «трясь», а, соответственно, трудясь... Труд – условие бытия человека, его жизни, его действия. Само рождение человека – труд, смерть – тоже! ... И поэтому труд священен, как священно, кстати, и само хозяйство» [8, с. 14].

Здесь труд выступает в качестве универсального эквивалента человеческой сущности, которая проявляется в его деятельности, носящей по преимуществу духовный характер. Безусловно, значительное влияние на формирование отечественной философии хозяйства оказало христианское вероучение с его установками на преображение мира и человека, в котором труд получает особый духовный смысл. Уже в этом заключено существенное отличие русской философии хозяйства от за-

падноевропейской, для которой важными являются установки экономического рационализма и прагматизма. В приоритете западных авторов такие вопросы, как организация трудовой деятельности и организация досуга. Нельзя сказать, что русских философов не волновали вопросы относительно того, как человеку распорядиться временем своей жизни, но они, так или иначе, выходили в метафизическое пространство вопросов о смысле жизни.

Общая установка отечественных философов по отношению к труду проявляется в понимании коренной зависимости хозяйственного вопроса от вопроса нравственного. Этот принцип неавтономности экономического начала находит свое выражение в философских построениях В. С. Соловьева: «Так как подчинение материальных интересов и отношений в человеческом обществе каким-то особым, от себя действующим экономическим законам есть лишь вымысел плохой метафизики..., то в силе остается общее требование разума и совести, чтобы и эта область подчинялась высшему нравственному началу, чтобы и в хозяйственной своей жизни общество было организованным осуществлением добра» [9, с. 478–479].

Необходимо отметить, что неавтономность экономического начала начинает осознаваться и современными западными экономистами. Анализ роли духовных смыслов труда дан также в статье современного отечественного философа С. Н. Жарова «Модернизация России как проблема цивилизации и культуры» [10, с. 42–49].

В. С. Соловьев показывает главное свойство экономического детерминизма, сводящего весь строй хозяйственной деятельности лишь к достижению экономического эффекта и, соответственно, грамотной организации труда, способствующей достижению этого эффекта. При этом философ явно недооценивает именно экономическую сторону, демонстрируя перекося в моральную. В связи с этим необходимо обратиться к его труду «Оправдание добра», в котором он выделил три основополагающих фактора нравственного бытия человека: стыд, жалость и благоговение, связав их в единый узел экономической деятельности. Он пишет: «Триединое нравственное начало, определяющее наше должное положение относительно Бога, людей и материальной природы, находит свое всецелое и нераздельное применение в области экономической» [9, с. 417].

В этих словах выражена сущность философского учения В. С. Соловьева о всеединстве как нравственном синтезе всего мироздания, в котором человек – его этический центр. Соответственно, человек задает меру отношения к низшей природе (стыд), к себе подобным (жалость) и к высшему началу бытия (благоговение). В этом смысле, согласно русскому философу, все хозяйственные явления мыслимы только лишь в отношении деятельности человека, который, будучи нравственным существом, способен подчинять все свои действия мотивам *чистого* добра. Труд становится не экономической категорией, как в западной политэкономии, а категорией нравственной философии. Не экономиче-

ская прибыль – цель труда, но нравственное совершенствование человека.

Акцент на социально-экономической стороне вопроса, которая не шла бы в ущерб духовной, но соотносилась с ней, нашел свое дальнейшее развитие в трудах многих русских философов, и прежде всего, Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова.

Н. А. Бердяеву принадлежит уникальное соотнесение таких феноменов, как «творчество», «свобода» и «хозяйство». Философ расширяет традиционные рамки понятия «труда» как трудного, скучного и, в его терминологии, «рабского» обременительного дела, показывая творческий характер труда и хозяйства в целом. Он полагает, что «хозяйственный акт» призван преодолеть «тяжесть и скованность материального мира», и в конечном счете должен «овладеть хаотическими стихиями». Именно в этом и заключается творческий характер труда, где духовное преодолевает материальное: «Дисциплина труда, организация труда и производительность труда зависят от духовных факторов. В конце концов, дух побеждает природу и овладевает стихийными силами природы. Хозяйство как претворение природных сил, как их организация и регуляция есть акт человеческого духа. И от качества духа зависит характер хозяйства» [11, с. 235]. Таким образом, Н. А. Бердяев наиболее полно раскрывает приоритет духовного смысла над материальным.

Особую теоретическую струю в русскую философию хозяйства добавляет С. Н. Булгаков. Свои идеи он развивает в русле «софиологии хозяйства», видя главный смысл труда в преодолении хаотических сил природы. Вот как он определяет смысл софийности хозяйства в труде «Философия хозяйства»: «История организуется из внеисторического и запредельного центра... И, если развитие хозяйства, вместо того, чтобы быть простой *bellum omnium contra omnes*, звериной борьбой за существование, приводит к покорению природы совокупным человечеством, то это происходит благодаря этой сверхличной силе, называемой Гегелем «лукавством разума», а здесь обозначенной как софийность хозяйства» [12, с. 157]. В целом соглашаясь с этими рассуждениями, все же стоит отметить, что труд – это не только способ покорения природы, но и средство конкуренции разных цивилизационных моделей.

Если сравнить идеи русских философов с современными концепциями относительно характера трудовой деятельности человека в постиндустриальном обществе, то главное отличие будет заключаться в том, что труд утрачивает свою духовную сущность быть выразителем человека как существа метафизического, а не экономического. В этом случае, по словам А. Корсани, «социальное ускорение оборачивается культурным оцепенением» [13, с. 68]. Сегодня, несмотря на сокращение рабочих часов, вызванное революционным вторжением новых технологий в производственную сферу, человек вынужден бороться за «возвращение утраченного времени».

Таким образом, можно подвести итог, сделав некоторые выводы относительно особенностей метафизики труда, представленной в русской философии:

- труд является не только экономической, но в большей мере нравственной категорией, раскрывающей духовную (метафизическую) сущность человека;
- в русской философии труд не носит игровой характер, каковой он приобрел в контексте западноевропейской культуры, радикально сменившей свой трудовой ландшафт;
- смысл трудовой деятельности носит софийный характер, связанный с преодолением и преображением хаотических сил материального мира; в этом заключается творческий характер труда, совпадающий с творческой природой человека;
- анализ метафизического смысла труда, представленного в русской философии, может способствовать преодолению экзистенциального кризиса западной капиталистической цивилизации, возникшего как диспропорция между свободным временем (досугом) и трудом;
- кроме важного аспекта, связанного с преодолением экзистенциального кризиса, необходимо говорить и об экономическом выживании. Это актуализирует вопрос не только о «софийном», но и конкурентном характере труда, который необходим для того, чтобы не проиграть экономическое (а вместе с ним – и политическое) соревнование с Западом. В этом заключается отрицательная сторона исключительно метафизического («софийного») восприятия труда, поскольку оно способствуют экстенсивному (а, значит, не конкурентоспособному) типу хозяйства.

Литература

1. *Маяцкий М.* Otium для никого? / М. Маяцкий // Логос. – 2015. – Т. 25, № 3 (105). – С. 46–51.
2. *Арора П.* Фабрика досуга : производство в цифровой век / П. Арора // Логос. – 2015. – Т. 25, № 3 (105). – С. 88–120.
3. *Симонова С. А.* Архитектоника культуры : проблемы этико-эстетического синтеза / С. А. Симонова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. – 217 с.
4. *Лосский Н. О.* Характер русского народа / Н. О. Лосский. – М. : Ключ, 1990. – 96 с.
5. *Бердяев Н. А.* Апофеоз русской лени / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). – М. : Канон+, 2004. – С. 94–102.
6. *Вейдле В. В.* Задача России / В. В. Вейдле. – Минск : Белорусская Православная Церковь, 2011. – 512 с.
7. *Платонов О. А.* Русский труд / О. А. Платонов. – М. : Современник, 1991. – 335 с.
8. *Осипов Ю. М.* Философия хозяйства / Ю. М. Осипов // Философия хозяйства. – 2006. – № 1 (43). – С. 11–29.

9. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Соч. : в 2 т. – М., 1988. – Т. I. – С. 45–490.

10. Жаров С. Н. Модернизация России как проблема цивилизации и культуры / С. Н. Жаров // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2016. – № 3 (21). – С. 42–49.

11. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – М. : ИМА-Пресс, 1990. – 347 с.

12. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. – N. Y. : Chalidze publications, 1982. – 197 с.

13. Корсани А. Трансформация труда и его темпоральностей / А. Корсани // Логос. – 2015. – Т. 25, № 3 (105). – С. 72–88.

Воронежский государственный университет

Зубашенко Я. В., аспирант кафедры культурологии

E-mail: y.zubashchenko@gmail.com

Тел.: 8-903-025-40-10

Voronezh State University

Zubashchenko Ya. V., Post-graduate Student of the Culturology Department

E-mail: y.zubashchenko@gmail.com

Tel.: 8-903-025-40-10